

A close-up portrait of an elderly man with thinning hair and glasses, wearing a grey herringbone jacket over a black turtleneck. He has a serious expression and is looking slightly to the right of the camera. The background is dark and out of focus.

**Валерий
БЕРКОВ**

**НАШЕ
ОБОКРАДЕННОЕ
ПОКОЛЕНИЕ**

Валерий Павлович Берков

Наше обокраденное поколение

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73933102

Наше обокраденное поколение. / Валерий Берков. Перевод с норвежского

С.Н. Берковой: Европейский Дом; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-86547-890-4

Аннотация

Книга, издаваемая в год девяностолетия со дня рождения В.П.Беркова (1929—2010), выдающегося петербургского филолога-скандинависта и лексикографа, содержит его воспоминания о собственной молодости, размышления о жизни людей в советское время, рассказ о становлении скандинавистики в Ленинградском университете. Этот текст, написанный автором по-норвежски в начале 90-х годов и недавно переведенный на русский С.Н. Берковой, публикуется ныне впервые.

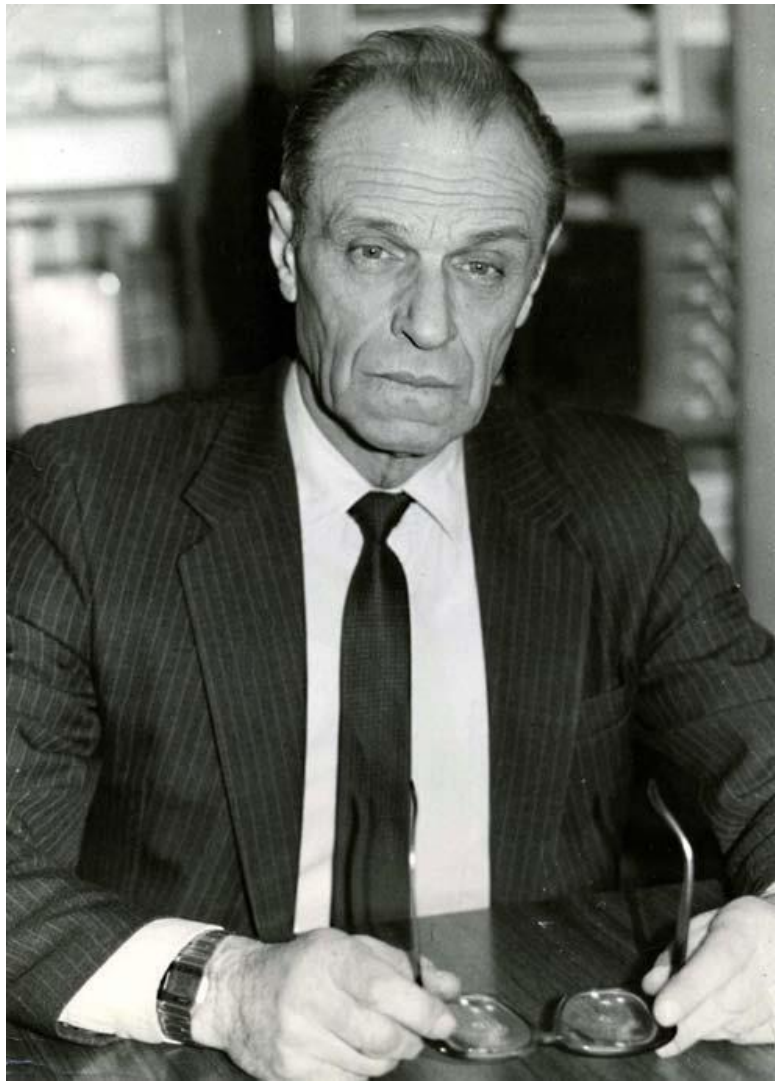
В книгу включен также указатель трудов В.П. Беркова и список кандидатских и докторских диссертаций, написанных под его научным руководством. В качестве иллюстраций использованы фотографии из архива семьи Берковых и Кафедры скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вместо предисловия	8
От переводчика	15
Глава 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валерий Берков
Наше обокраденное
поколение

Книга вышла при поддержке:

Голландского института в Санкт-Петербурге, *С.Н. Берковой, Е. Кристиансен, Е. Лавринайтис, Г.П. Рябова*

Перевод с норвежского *С.Н. Берковой*

© С.Н. Беркова, 2019

© Издательство «Европейский Дом», 2019

На презентации Большого Норвежско-русского словаря (2003).

Словарь был признан в Норвегии лучшим двуязычным словарем года

Вместо предисловия

Осенью 2019 года Кафедра скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ отмечает 90-летие со дня рождения доктора филологических наук профессора В. П. Беркова (11.08.1929—09.10.2010), одного из самых известных в нашей стране и за рубежом специалистов в области скандинавской филологии и общего языкознания. 66 лет жизни Валерия Павловича были связаны с Ленинградским / Санкт-Петербургским государственным университетом. Здесь он учился, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, преподавал норвежский язык, читал теоретические курсы на филологическом и восточном факультетах. В 1972 году провел большую работу по организации первого в истории нашего университета нидерландского отделения, в последующие годы читал студентам-нидерландистам все важнейшие теоретические дисциплины и руководил студенческими научными работами. В течение 19 лет (1978–1997) был заведующим Кафедрой скандинавской филологии. В 1994–1999 гг. работал по совместительству профессором на кафедре скандинавистики Ослоского университета.

В конце этой книги приведен список научных трудов и художественных переводов Валерия Павловича со скандинавских языков, включающий около 250 изданий и переизданий. Здесь назовем лишь несколько публикаций, демон-

стрирующих разносторонность его филологических интересов. Во-первых, это словари, написанные в одиночку, что само по себе уникально: «Исландско-русский словарь» (1962, № 15¹), «Русско-норвежский словарь крылатых слов» – первый двуязычный словарь такого рода в истории лексикографии (1980, № 73) и, главное, «Большой русско-норвежский словарь» (1987, № 100), за который Валерий Павлович в 1988 г. получил I премию Министерства высшего образования СССР «за лучшую научную работу». Второе издание этого словаря, вышедшее в Норвегии, (1994, № 142) было значительно расширено по сравнению с первым, однако по-настоящему новым словом в двуязычной лексикографии стало третье издание (2011, № 200 и 201), над которым Валерий Павлович продолжал работать, уже будучи тяжело больным. Он внес в него более 3000 дополнений (потребовавшихся, в частности, потому, что в годы Перестройки русский язык особенно быстро менялся, приспосабливаясь к новой действительности) и снабдил новыми, интереснейшими, новаторскими приложениями (например, описанием типичных ошибок, которые делают русские, говорящие по-норвежски, и норвежцы, говорящие по-русски). Именно в этом варианте Валерий Павлович считал его главным трудом своей жизни. К сожалению, ему не довелось увидеть это издание своими глазами: из-за проблем с издательскими компьютерными

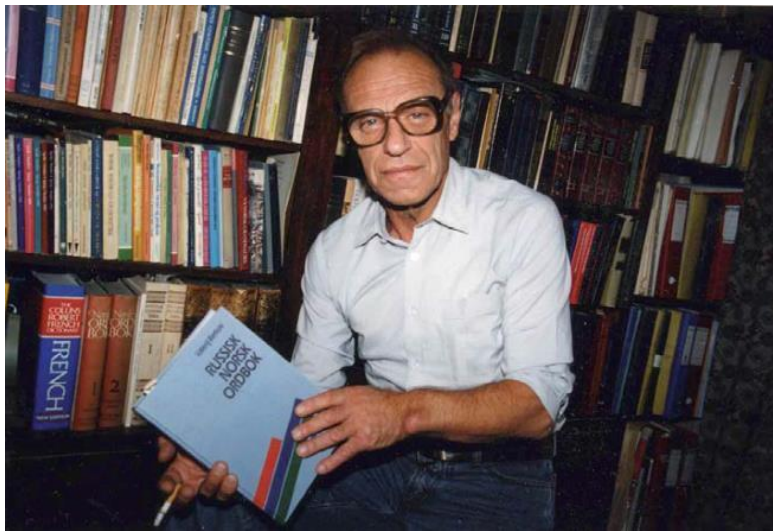
---

¹ Здесь и далее указаны номера следующих публикации в Указателе трудов В.П. Беркова, расположенном в конце книги.

программами оно вышло только в июне 2011 года.

Следом за словарями, составленными в одиночку, идут словари, написанные в соавторстве или под редакцией В. П. Беркова: «Большой словарь русских крылатых слов», подготовленный в совместно с В. М. Мокиенко и С. Г. Шулежковой (2000, № 171; 2008–2009, № 197), «Русско-исландского словаря» Хельги Харальдссона (1996, № 225), «Большого норвежско-русского словаря» (2003, № 186; в Норвегии был признан лучшим словарем года). В-третьих, Валерий Павлович написал множество статей и монографий по теории лексикографии, том числе, «Слово в двуязычном словаре» (1977, № 61) и учебник «Двуязычная лексикография» (1996, № 145; 2004, № 187), «Двуязычная лексикография и реальность» (2004, № 188). В-четвертых, необходимо упомянуть работы по лексикологии, грамматике и истории норвежского языка, в частности книгу «Норвежская лексикология» (1994, № 140; 2009, № 198, норвежский перевод «Norsk ordlære», 1997, № 156) и завершённую буквально в последние месяцы жизни «Историю норвежского языка» (2012, № 203). В-пятых, из-под пера Валерия Павловича вышло множество книг и учебников по германистике и общему языкознанию, включая проблему «язык и культура»: «Современные германские языки» (1996, № 148; 2001, № 176; чешский перевод «Současné germénské jazyki», 2002, № 182), «Введение в германистику» (2006, № 193; 2008, № 196), «Введение в германскую филологию» в соавторстве

с М. Г. Арсеньевой, С. П. Балашовой, Л. Н. Соловьевой (1980, № 69; 1998, № 159; 2000, № 172).

В.П.Берков со 2-м изданием Русско-норвежского словаря. 1994

Множество учеников хранят память о Валерии Павловиче как о талантливом и доброжелательном, но одновременно строгом и требовательном учителе. После списка публикаций в конце этой книги перечислены два десятка диссертаций, написанных и защищенных его аспирантами, соискателями и докторантами по норвежскому, шведскому, нидерландскому, английскому и болгарскому языкам.

Талантливое служение В. П. Беркова филологической науке было отмечено целым рядом государственных наград и почетных званий. В 1988 г. Академия наук Норвегии избрала В. П. Беркова своим членом. В 1997 г. за работы о Норвегии, ее культуре и языке ему была присуждена Большая Академическая премия. За статьи по фризскому языку он в 1994 г. был избран членом Фризской Академии (Нидерланды). В 2004 г. Валерий Павлович Берков стал действительным членом Российской Академии естественных наук по секции «Российские энциклопедии». Из высоких наград необходимо назвать российский «Орден Дружбы», высший норвежский орден «За заслуги» 1 класса и высший исландский орден – «Орден Сокола».

Было бы ошибкой представлять себе Валерия Павловича оторванным от мира кабинетным ученым. Он всю жизнь много занимался спортом, в первую очередь, альпинизмом, по которому в 1955 г. выполнил норму мастера спорта СССР, а также лыжами (прыжками с трамплина и беговыми), греблей и плаванием (в том числе зимним). Ярким и несколько неожиданным эпизодом в жизни профессора-филолога стало участие в съемках российско-норвежских фильмов «Всего одна жизнь» (1968) о Фритьофе Нансене и «Под каменным небом» (1974) об освобождении Северной Норвегии.

На кафедральных праздниках Валерий Павлович неизменно оказывался душой компании.

Валерий Павлович был исключительно интересным собеседником, вдумчивым и остроумным, и всегда четко формулировал свое видение происходящих в мире событий. Таковыми же остроумными и вдумчивыми были его статьи и воспоминания о людях, в разное время игравших важную роль в его жизни, – об отце, крупнейшем специалисте по русской литературе XVIII века Павле Наумовиче Беркове (2005, № 191, 2011, № 201), об учителе – знаменитом скандинависте М. И. Стеблин-Каменском (1973, № 47, 1982, № 81, 1983, № 83, 1985, № 94), о коллеге – выдающейся специалистке по шведскому языку С. С. Масловой-Лашанской (1987, № 101) и о многих других. Все эти статьи были изданы при жизни автора. Однако его воспоминания о собственной жизни, написанные в начале 1990-х годов, до сих пор существовали только в виде рукописи и ныне публикуются впервые.

От имени всех сотрудников Кафедры скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ – коллег В.П. Беркова

И. М. Михайлова

Valerij Berkov

VÅR BESTJÅLNE GENERASJON

Kapitel 1.

“Vi takker kamerat Stalin for vår lykkelige barndom”

Som de aller fleste av mine jevnaldrende er jeg vokst opp i en kommunálnaja kvartira, en fellesleilighet. I min skoleklasse var det vel bare to-tre elever som bodde i en særskilt leilighet, dvs. en leilighet som familien ikke delte med andre.

Hva innebærer det egentlig – en fellesleilighet?

Ta for eksempel vår. Et flott femetasjes hus i St. Petersburg bygd i forrige århundre. Tykke murer, store vinduer, en bred og fin steintrapp, rommelige leiligheter. I vår var det syv rom, et stort kjøkken og et baderom. Ganske romslig for én familie. Bor det to i den, er det mindre luksuriøst. Men her bodde det fem familier – fem familier som ikke var i slekt med hverandre, sytten personer i alt, over to per rom. Det er nok unødvendig å fortelle om den hyggelige atmosfæren på kjøkkenet når fem damer som ikke nødvendigvis var perle venninner, samtidig laget mat på durende primuser eller osende petroleumsapparater. Eller om køen foran doet om morgenen. Eller om badekaret som ingen våget å bruke. Alle visste alt om alle: Hvor mye de tjente, hva de spiste, hvem som drakk og hvem som horet og så videre. Telefonen hang i gangen, og om man snakket i den aldri så lakonisk og svevende, var naboene alltid å jour med ens personlige anliggender. Noen av leieboerne nærte umåtelig interesse for andres privatliv.

От переводчика

В.П. Берков.

«Наше обокраденное поколение»

Эти воспоминания были написаны моим покойным мужем, Валерием Павловичем Берковым (1929–2010), сразу после перестройки, в начале девяностых годов, то есть без малого тридцать лет тому назад. Они предназначались для норвежского читателя в ту пору, когда интерес к тому, что происходит или происходило раньше в России/СССР, был велик и искренен.

Автору пришлось подробно разъяснять норвежцам советские реалии, такие, например, как *коммуналка* или *НКВД*. К сожалению, несмотря на старания норвежских друзей и коллег, ни одно издательство в Норвегии не заинтересовалось этой книгой, хотя в неё включены выстраданные автором воспоминания и глубокий анализ тех событий, которые ему пришлось пережить в детстве, юности и зрелости

Хочется надеяться, что книга, переведённая на русский язык к юбилею автора, вызовет интерес не только у коллег, бывших студентов и друзей Валерия Павловича, но и у более широкого круга читателей. И хотя российскому читателю не нужно разъяснять некоторые реалии, я не считаю себя вправе сокращать или как-то редактировать текст автора.

С. Н. Беркова

Глава 1

«Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»

Как и большинство моих ровесников, я вырос в *коммунальной квартире*. Из всего моего школьного класса только два или три ученика жили с родителями в *отдельной квартире*, то есть в квартире, которую их семья не делила с другими людьми.

Что же это, собственно, такое – коммунальная квартира, или *коммуналка*?

Возьмём, к примеру, нашу. Прекрасный пятиэтажный петербургский дом, построенный в девятнадцатом веке. Толстые стены, большие окна, широкая каменная лестница, просторные квартиры. В нашей было семь комнат, большая кухня и ванная комната. Достаточно простора для одной семьи. Не столь роскошно для двух семей. Но здесь проживало пять семей, не состоявших в родстве друг с другом, всего семнадцать человек, – больше двоих на комнату. Достаточно представить себе весёленькую атмосферу, когда пятеро женщин, вовсе не обязательно сердечных подружек, одновременно готовят обед на гудящих примусах или вонючих керосинках. Или очередь перед уборной по утрам. Или общую ванну, которой было рискованно пользоваться. Все знали обо всех

всё: кто сколько получает, кто что ест, кто пьянствует, кто блядствует – и прочее, в том же роде. Телефон висел в коридоре, и поскольку телефонные разговоры не отличались лаконичностью и сдержанностью, то соседи всегда были в курсе дел друг друга. При этом некоторые жильцы проявляли просто неумеренный интерес к личной жизни своих соседей.

Справедливости ради следует сказать, что атмосфера в разных коммунальных квартирах могла разительно отличаться друг от друга. В некоторых шла непрекращающаяся война всех со всеми. Одна моя приятельница, например, называла двух своих соседок, обитавших в комнатах напротив, Сциллой и Харибдой. Постоянные ссоры и ругань в таких квартирах могли порой привести к серьёзным стычкам. (Не так давно на одного моего студента, до сих пор живущего в коммуналке, напал пьяный сосед, который грозился его убить, но сумел «всего лишь» отрубить ему три пальца на правой руке). Встречались, хоть и не так часто, квартиры, где большие семьи прекрасно уживались друг с другом и даже во всём друг другу помогали. Обстановка же среднестатистической коммуналки была где-то посередине между этими двумя крайностями: одни семьи дружили между собой, другие соблюдали нейтралитет, третьи ненавидели друг друга или всех остальных. Если же кого-нибудь не любили все, то его жизнь превращалась в сущий ад.

Почему всё было так? Естественно было бы ожидать, что общая нужда объединяет людей, ведь все были одинаково

или почти одинаково бедны. Мой отец, профессор Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета, зарабатывал ненамного больше вечно пьяного работяги, жившего за стенкой, или инженера в комнате напротив. Для открытой или скрытой враждебности было немало причин. Все в душе были недовольны своими условиями жизни, бедностью и теснотой. Но это недовольство не могло быть направлено на советскую власть, которая была одна во всём виновата, поскольку большинство этого просто не понимало, а те немногие, кто понимал, знали, что выражать недовольство было не только бесполезно, но и очень опасно. Однако людям необходимо было давать выход эмоциям, «выпускать пар». И, разумеется, когда чужие люди были вынуждены жить вместе, видеть друг друга по многу раз на день из года в год, то любой пустяк начинал вызывать постоянное раздражение, со временем переходившее в ненависть. Один сосед постоянно забывает выключить свет в уборной, у другого – нахальный и дерзкий сын-подросток, третий – молчаливый и замкнутый, значит, «много о себе понимает, а нас презирает», и так далее, и тому подобное.

Важным источником враждебности была зависть. Хоть все были бедны, но кто-то мог жить чуть лучше других, и это поднимало волну зависти: «Нет, вы только подумайте, какая несправедливость! Мы вчетвером живём на 22 квадратных метрах, а у них на троих целых 18!». Или: «Эта Валентина на днях новое пальто себе купила, хотя её старому от силы

пять или, может, четыре года, а я уже восемь лет своё ношу!»). Грустно и удручающе описывать эту нищету и убожество, но всё это составляло важную часть нашей повседневной жизни. К сожалению, недовольство могло выражаться не только через кислые мины, язвительные замечания, громкую ругань, взаимные оскорбления или даже рукоприкладство. Куда опасней были доносы в НКВД, сталинскую тайную полицию, местный эквивалент немецкого гестапо. Я знаю, что одна из наших соседок время от времени строчила цидульки типа: «Как честная и законопослушная советская гражданка считаю своим долгом заявить, что профессор Павел Берков...».

И до сегодняшнего дня половина населения моего родного Санкт-Петербурга продолжает жить в коммунальных квартирах.

Коммуналки как явление впервые появились в Советской России в период гражданской войны, когда многие квартиры «классовых врагов» были «экспропрированы» (конфискованы) и в них вселились «рабочие семьи». Индустриализация страны во второй половине двадцатых годов потребовала притока рабочей силы, и большие потоки людей из деревни хлынули в крупные города. Через несколько лет в стране случилась величайшая трагедия – насильственная коллективизация и «раскулачивание», то есть уничтожение «кулаков» – крепких крестьян, станового хребта русского крестьянства. Не существует точных сведений, скольких милли-

онов человеческих жизней стоил этот чудовищный и абсурдный социальный эксперимент. У миллионов крепких крестьян отобрали всё, чем они владели, и сослали их в малозаселённые, необустроенные края, многие умерли по дороге и на новом месте поселения, но небольшому количеству удалось тайно пробраться в города. Коллективизация принесла новую катастрофу – голод, и новые миллионы людей бежали в города, надеясь найти там спасение от голодной смерти. Городское население продолжало быстро расти, а поскольку новое жильё практически не строилось, жилищное уплотнение становилось всё жёстче. Да, действительно, в тридцатые годы начали помаленьку строить жильё, но в новые дома вселялась, в основном, элита – партийные бонзы, высшая бюрократия, функционеры НКВД, директора заводов и фабрик и прочие крупные шишки (ах, простите, – «верные слуги народа»).

Естественно, что в Москву, Ленинград, Киев, Минск, Харьков и другие большие города устремились не только жертвы притеснений сталинской клики и новая рабочая сила. В массе своей это были ещё и жители небольших городов и селений, направлявшиеся в крупные города, чтобы учиться, получить специальность или найти хорошую работу. Многие надеялись обосноваться там, поскольку в городе возможности были больше, а жизнь интереснее и разнообразнее. Впрочем, это интернациональный феномен.

Мои родители принадлежали, скорее, к последней катего-

рии, хотя их судьбу никак нельзя назвать типичной. Оба выросли в Аккермане (нынешний Белгород-Днестровский), в городке, расположенном между Днестром и Прутом, на территории, которая тогда называлась Бессарабией. Сейчас это уже историческое название, поскольку большая часть этого района принадлежит Молдавии (Молдове), а южная часть, где расположен Белгород-Днестровский, относится к Украине. В 1919 Бессарабия была оккупирована Румынией, и мои родители автоматически стали румынскими подданными. Отец, который был учителем в бессарабской сельской школе и заочно учился в Одесском университете, хотел продолжить обучение. Мать тоже хотела учиться дальше, поэтому они уехали в Вену и поступили там в университет. После окончания учёбы они ходатайствовали о возможности вернуться в родную страну, получили разрешение и поселились в Петрограде (позднее Ленинграде). Отец преподавал русскую литературу в средней школе, где через какое-то время стал директором, затем получил ставку доцента в университете. В 1937 г. он стал профессором кафедры русской литературы со специализацией по литературе 18 века. Мать всю жизнь проработала школьным библиотекарем. Никто из них не был членом Коммунистической партии.

П.Н. Берков и С.М. Беркова, родители

Наша семья – родители, бабушка со стороны отца и я – тоже жила в коммунальной квартире. У нас было две комнаты общей площадью 30 квадратных метров, то есть, по советским меркам, мы жили довольно просторно. В первую

комнату был вход из коридора, здесь был отцовский кабинет, и здесь же, на скрипучей кушетке, спала бабушка. Вторая комната, позади первой, служила нам гостиной и спальней. Мебелировка была, мягко говоря, спартанская. Единственной роскошью, которой обладала наша семья, была отцовская библиотека: книги были его единственной страстью. Когда я сегодня, более полувека спустя, вспоминаю это наше жилище, я понимаю, каким убогим оно было. Чистая бедность – вот его исчерпывающая характеристика. Но по тем временам всё казалось не так уж плохо.

Когда отец был не в университете, он сидел за своим шатким, изъеденным жучками письменным столом и что-то писал или читал (как и у других университетских профессоров, у него не было своего кабинета в университете; впрочем, и у меня сейчас, пятьдесят лет спустя, тоже нет отдельного кабинета в университете). Работа была смыслом его жизни, он жил для Науки с большой буквы. Он был фантастически начитан, владел множеством языков и обладал уникальной памятью. Родители нечасто ходили в театр или в кино, Единственное, в чём они себе не отказывали, было регулярное посещение Филармонии, поскольку оба любили классическую музыку, особенно Бетховена, Вагнера и Чайковского.

Ни отец, ни мать не отличались крепким здоровьем. Отец с детства страдал тяжёлой формой бронхиальной астмы и, как у большинства астматиков, у него была сильная аллергия на запахи. А с кухни, где пять семей одновременно готовили

дешёвую еду, постоянно просачивались различные запахи, которые вызывали у отца сильные приступы. Кроме того, у него была язва двенадцатиперстной кишки. У матери было слабое сердце и проблемы с почками.

Я так детально описываю этот не слишком увлекательный фон, на котором проходила наша жизнь, потому что он был типичным для многих тысяч советских интеллигентов в довоенное время. Но необходимо подчеркнуть, и это чрезвычайно важно, что очень многие из этих абсолютно нищих людей науки, которые жили в переполненных кому-налках, ездили на работу и обратно в битком набитых трамваях и автобусах, часами стояли в длинных очередях, не имели никаких гражданских прав и были абсолютно беззащитны перед притеснениями властей, – несмотря на всё убожество своей жизни, работали честно и добросовестно и нередко создавали выдающиеся научные труды. В качестве примера можно упомянуть, что книги, написанные литературоведами – коллегами и друзьями отца, в Петрограде – Ленинграде в двадцатые и тридцатые годы, переведены сейчас на многие языки и стали классикой.

Можно, конечно, порассуждать о том, что наука в то время была областью, в которой одарённые и талантливые люди могли реализовать свои способности и выразить себя самих. Это, конечно, верно. Но у этих людей не было возможности выезжать за границу, даже в собственной стране они не могли ездить далеко из-за отсутствия средств, не могли при-

обрести почти ничего из того, что имел любой европейский или американский учёный, прежде всего – приличное жилище. И это ещё раз подчёркивает всё величие вклада этих самоотверженных людей в науку.

То же самое относится и к многочисленным художникам, писателям (я не имею в виду тех, чьим хлебом насущным было воспевание режима и его лидеров, прежде всего Сталина, они, по сравнению с остальными, как сыр в масле катались), инженерам, архитекторам и многим, многим другим. Нет, не поймите меня так, что все без исключения творили шедевры. Я клоню к тому, что, несмотря на нищету и лишения, среди них было множество настоящих Мастеров.

Когда человек, никогда не живший при тоталитарном режиме, читает о жизни в Советском Союзе или гитлеровской Германии, или другой подобной стране, он может подумать, что в таких государствах вся обычная человеческая жизнь останавливается. Между тем, это не так. И в переполненных коммуналках люди любили друг друга и испытывали мгновения счастья; за шаткими письменными столами писались мудрые книги, вырабатывались новаторские теории, делались эпохальные открытия, сочинялась замечательная музыка и тому подобное. Жизнь шла своим чередом. Вопреки всему.

В предисловии я пообещал, что постараюсь как можно меньше писать о своей собственной жизни и буду приводить биографические эпизоды только для иллюстрации более ши-

рокой картины (к сожалению, предисловие автора не сохранилось – прим. переводчика). Исключительно с этой целью я хочу рассказать о единственной в жизни порке, которую я получил от отца в возрасте четырёх-пяти лет.

С конца двадцатых и до середины тридцатых годов в Советском Союзе существовали магазины «Торгсина». Название произошло от сокращения выражения *торговля с иностранцами*. Вместо денег в этих заведениях принимали золотые и серебряные вещи, возможно, и драгоценные камни, и там можно было купить качественные товары, иначе недоступные для простых смертных. Вероятно, там продавались и продукты, привезённые из-за границы. Естественно, что у простого советского гражданина после гражданской войны, экспроприаций и многих лет нужды вряд ли наличествовали в большом количестве драгоценные металлы или ювелирные изделия. Но в семье могла ещё сохраниться пара серебряных ложек или бабушкин медальон, или дедушкины часы, которые можно было поменять на что-то более существенное. Мы, дети, слышали, естественно, истории о фантастических лакомствах, которые водились в этих магазинах Торгсина. Особенно сильное впечатление произвёл на меня рассказ моего приятеля-одногодка, который жил в той же коммуналке, что и я, об «импортных конфетах», которые должны были быть неопишимо вкусными. Само собой разумеется, что ни ему, ни мне не довелось их попробовать, но само это название ласкало слух.

Как я уже говорил, отец много писал. Пишущей машинки у него, разумеется, не было (по тем временам она стоила целое состояние, да и авторучки были большой редкостью), поэтому он относил рукописи к машинистке. Иногда, отправляясь к ней, он брал меня с собой. Однажды, когда мы уже прощались с этой милой дамой, она протянула мне карамельку. «Нет, спасибо, – сказал я вежливо, но гордо, – я предпочитаю импортные конфеты». Что заставило меня произнести эту идиотскую фразу, мне трудно сказать, вероятно, я хотел показать, какой я бывалый человек. Никогда я не видел отца в такой ярости. Едва за нами закрылась дверь, как началась расплата, наказание вершилось здесь же, на лестничной площадке, и было вполне основательным.

Как и большинство детей, в пять лет я пошёл в детский сад. По какой-то таинственной причине это заведение в то время называлось *очаг*. У меня в памяти отложились из этого очага лишь два момента, заслуживающих упоминания. Во-первых, он располагался в верхнем этаже величественного дворца, принадлежавшего до революции князю Феликсу Юсупову. Именно там, за двадцать лет до этого, был убит последний могущественный царский фаворит, Распутин. Во-вторых, нам, кроме всего прочего, читали там вслух не только русские народные сказки, но и трогательные истории про «дедушку Ленина» и про «лучшего друга детей, товарища Сталина».

Что касается двух последующих лет, то я ходил уже не в

детский сад, а в заведение, которое в буквальном переводе именовалось «немецкой группой». В то время в Ленинграде существовало энное количество подобных «групп», это явление было известно и в Москве, и, очевидно, в других городах тоже. Немолодая дама, желательна немка, присматривала – естественно, за плату – за шестью-восемью детьми, пока их родители были на работе. Под присмотром нашей Розы Юльевны мы играли в саду тогда давно уже закрытой, очень красивой Никольской церкви, болтали с ней чуть-чуть по-немецки, мастерили то, что она называла «аппликациями» (из всех шедевров этого жанра, которые я тогда смастерил, я помню только кособокого кролика из ваты и танк из спичечных коробков). Немецкий язык нам, детям, тогда был неинтересен, впрочем, Роза Юльевна с нас слишком многого и не требовала, поэтому наши познания в немецком после двух лет занятий в «немецкой группе» не особенно впечатляли. Но она была милой и дружелюбной и всё же кое-чему нас научила. Например, я до сих пор помню типично немецкий стишок, записанный ею в типично немецкой слащавой книжке «Auf der Grossmutter Landsgut», которую она мне подарила на память: «Begehrst du wenig, bist du klug. Wer viel begehrt, hat nie genug», то есть: «Если ты желаешь немногого, ты поступаешь разумно. Тот, кто желает слишком многого, никогда не насытится». (То, что книжка была слащавой, понял я, естественно, много позднее, в то время я ещё не мог её прочитать. Вполне возможно, что я и стишок выучил го-

раздо позже).

В этой группе не было ничего эксклюзивного. Как я уже говорил, родители наши не были намного зажиточней среднего уровня. Просто они хотели дать своим детям воспитание чуть лучше того, какое можно было получить в *очаге*, где одна молодая воспитательница должна была присматривать за двадцатью – тридцатью детьми. И хоть наши познания в немецком оставляли желать много лучшего, мы были, по крайней мере, защищены от различного дурного влияния и что-то всё же выучили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.